

Шевченко Т. Р.

28.2.92.

3 стр.

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА
— Киев — 1992 — 28 февр.

Любовь в жизни Тараса Шевченко

Загадки прошлого

ВО ВТОРОЙ половине 1846 года в университете Св. Владимира в Киеве открылась вакансия учителя рисования, так как от этой должности был освобожден в связи с 25-летней выслугой титулярный советник Капитон Степанович Павлов, знакомый Шевченко.

Первым желающим занять эту вакансию стал академик Габерцеттель из Лондона. Вопрос о его назначении тогдашний попечитель Киевского учебного округа генерал-майор Траскин передал на усмотрение министра народного просвещения С. С. Уварова, отправив ему бумаги академика. Вторым претендентом был коллежский регистратор Шлейфер, преподававший рисование в Киевском институте благородных девиц. Почти все члены совета университета лично знали Шлейфера, были о нем хорошего мнения и посчитали его кандидатуру наиболее достойной. Кроме того, Шлейфера поддержала и Академия художеств, представив университету самый лестный отзыв о нем. Казалось, что вопрос о назначении Шлейфера будет решен положительно, но в это время от министра Уварова в университет и Киевский учебный округ поступил проект художника Аполлона Буяльского об учреждении в Киеве школы живописи. В проекте имелось одно довольно существенное условие: Буяльский соглашался учредить школу, если он будет назначен на должность преподавателя рисования в университет и если его ученики получат право безвозмездно пользоваться собранием картин университета. Траскин выразил полное согласие и направил Уварову ходатайство и проект Буяльского для окончательного решения.

Однако был и четвертый кандидат на освободившуюся должность — Т. Г. Шевченко. 27 ноября 1846 года он обратился с ходатайством к Траскину, в котором писал: «Окончив курс обучения в Императорской Академии художеств в классе профессора истории живописи Карла Брюллова и посвятив себя преимущественно изучению художественной стороны нашего отечества, я бы желал употребить приобретенные мною в искусстве сведения на образование в оном молодых людей по тем самым началам, какие я усвоил себе под руководством знаменитого моего учителя, а поэтому осмеливаюсь всепокорнейше просить Ваше Превосходительство определить меня на открывшуюся вакансию учителя

рисования в университете Св. Владимира, где я, кроме преподавания живописи, обязуюсь исполнять безвозмездно все поручения начальства по части литографирования в составлении при университете литографическом заведении».

В этот же день на ходатайстве Шевченко Траскин наложил резолюцию: «Предоставить просьбу эту министру вместе с ответом о Буяльском».

Через две недели Шевченко пишет почти аналогичное письмо и Киевскому генерал-губернатору Д. Г. Бибикову.

Все претенденты на единственную вакансию были достойны этой должности, и еще неизвестно, как бы решился вопрос, если бы не вмешательство Варвары Николаевны. Репнина попросила свою мать Варвару Алексеевну Репину-Волконскую, родственницу Уварова, замолвить словечко о Тарасе Григорьевиче, что и было сделано. 21 февраля 1847 года в письме под № 1697 на имя попечителя Киевского учебного округа Уваров дает распоряжение определить на эту должность Шевченко, дав ему испытательный срок на год. «По истечении означенного срока от Вашего усмотрения будет зависеть окончательное утверждение Шевченко в учительской должности или замена его другим способнейшим», — сообщает Уваров Траскину.

Узнав об этой радостной для своего друга вести, Н. И. Костомаров в письме от 13 марта 1847 года из Киева пишет Шевченко: «Доки ты, братику, съдишися у тій цареградській гостиниці! Приїди у Київ, я напевне дізнаєшся, що тебе вже наставлено наставником малярського іскусства в університеті, Володимира, у віде опыта, як кажуть». Шевченко приехал, но назначен преподавателем рисования не был. Помешал его арест. Об этом сообщают сам Шевченко в письме к Репиной от 24 октября 1847 года из Орской крепости: «По ходатайству Вашему, добная моя Варвара Николаевна, я был определен в Киевский университет и в тот самый день, когда пришло определение, меня арестовали и отвезли в Петербург 22 апреля (день для меня

чрезвычайно памятный), а 30 апреля мне прочитали конфирмацию, и я уже был не учитель рисования Киевского университета, а рядовой солдат Оренбургского линейного гарнизона».

Надо сказать, что после ареста Шевченко его задним числом отчислили и из членов археографической комиссии. Уже 25 апреля 1847 года в письме на имя Бибикова под № 2511 Траскин, докладывая об аресте Шевченко, просит о назначении художника Шлейфера учителем рисования в Киевском университете. Вскоре на эту должность был назначен Шлейфер. Таким образом, Шевченко ни одного дня не работал преподавателем в университете.

2 июня 1847 года С. С. Уваров предложил А. С. Траскину «учителю рисования Шевченко исключить из списка чиновников Киевского учебного округа...». Не это распоряжение Траскин 20 июня того же года ответил: «Имею честь донести Вашему сиятельству, что учитель рисования Шевченко не был определен окончательно на службу при университете потому, что прежде окончания сношений с ним, сделанных по предписанию Вашего сиятельства от 21 февраля сего года № 1697, последовало распоряжение об арестовании его, Шевченко». Вот и верь после этого некоторым киевским экскурсоводам, рассказывающим экскурсантам, что мемориальная доска с барельефом поэта установлена на красном здании университета в связи с тем, что в этом университете, хотя и недолго, Шевченко преподавал студентам рисование.

Узнав об аресте Шевченко, Репнина пыталась облегчить его участия через того же графа Уварова, но безрезультатно.

Находясь в ссылке, Шевченко начал переписку с хорошим знакомым Репиной — Лизогубом. В письме к нему от 22 октября 47-го года Шевченко пересыпал и письмо для Репиной с указанием своего ад-

реса. В письме от 11 декабря Шевченко спрашивал, получила ли Варвара Николаевна его письмо и просит Лизогуба передать ей, чтобы написала ему хоть строчку. «Ее прекрасная добрая душа меня часто навещает в неволе», — пишет он далее.

В своем первом письме к ссыльному поэту Репнина писала: «Да поможет Вам Господь Всемогущий понести до конца тяжелый крест ваш той узкой и скорбной стезей, которую он проложил нам любовью и кровью своей».

К этому письму Репнина приложила небольшое стихотворение Г. И. Псипол, которое очень утешило Шевченко и растрогало его воспоминаниями о Яготине.

«Вы непременно бы рассмеялись, если бы теперь увидели меня. Вообразите самого неуклюзого гарнизонного солдата, растрепанного, небритого с кудрявящими усами — и это буду я», — писал в одном из своих писем Т. Шевченко Репиной. Варвара Николаевна не замедлила с ответом: «От души благодарю, мой добрый, и незабвенный Тарас Григорьевич, что вы меня вспомнили в далекой стороне! И здесь мы Вас не забываем и очень часто речь идет о Вас: нет я бы не рассмеялась, я зарыдала бы когда бы вас увидела теперь и молила бы Бога дать языку моему красноречие, чтобы утешить Вас, возвесть дух Ваш выше горькой участии Вашей, смягчить сердце Ваше; говорю с Вами о милосердии господнем, который не хочет смерти грешника, а что бы он был жив! Если бы это зависело от меня, разворотив мое письмо, Вы бы наполнились благодатью, она бы Вас освятила, освятила, укрепила. Вы бы бодро и с покорностью носили крест Ваш! Но, увы, что могу я бедная, бессильная для Вас, мой добрый Тарас Григорьевич — молиться как можно чаще, как можно теплее, чтобы Бог подкрепил Вас в настоящем испытании, чтобы он вложил милосердие в сердца окружающих Вас, чтобы

направил тех, от которых завис земная участь Ваша к помилованию!».

В первом письме к Репиной из Орской крепости Шевченко ярко и красочно изобразил муки художника, окруженного для рисования типами, но лишенному возможности изобразить их на бумаге. «Прежние мои страдания в сравнении с настоящими были детские слезы. Горько, невыносимо горько! И при всем этом горе мне строжайше запрещено рисовать что бы то ни было и писать (кроме писем). А здесь так много нового; киргизы так живописны, ориентальны и наивны, сами просыпаются под карандаш, — а я одуреваю, когда смотрю на них».

В письме к Репиной из Оренбурга от 14 ноября 1849 года Шевченко пишет: «Я сегодня пишу В. А. Жуковскому (я с ним лично знаком) и прошу его исходатайствовать позволяние мне только рисовать. Напишите и Вы, если Вы с ним знакомы; или напишите Гоголю, чтобы он написал ему обо мне: он с ним весьма хороших отношений». Здесь же он просит Репину сообщить адрес Гоголя. Всю свою жизнь Шевченко был благодарен Репиной. В письме третьем и последнем из ссылки (от 7 марта 1850 года) Шевченко писал Репиной: «Все дни моего пребывания в Яготине есть и будет для меня рядом прекрасных воспоминаний».

Переписка прекратилась не по вине Репиной или Шевченко. 1 сентября 1849 года Репнина обращается к Ф. М. Лазаревскому, занимающему в Оренбурге видный пост, с просьбой сообщить ей хоть что-либо о Шевченко. «Более года я совершенно без известий о Т. Г-че. Ради всего святого, всего дорогое Вам, прошу уведомить меня, где он и что с ним».

18 февраля 1848 года Репнина предпринимает отчаянный шаг — обращается к своему родственнику А. Ф. Орлову, шефу жандармов и главному начальнику III отдела, с настоятельной просьбой облегчить тяжелое положение Шевченко в ссылке.

«Граф, Вы человек облеченный большой властью, — пишет она, — и в силу своего высокого положения и благородного характера призваны делать добро. Если поддерживать порядок и наказывать зло есть задача, достойная государственного сановника и добродетельного человека, то следить за тем, чтобы справедливость не превратилась в жестокость, а сменилась бы милосердием — не состоит ли в этом высшая задача добродетели? Проникнутая этим убеждением, я являюсь перед Вами, граф, ходатайствующей за несчастного Шевченко».

Зная его хорошо, я могу свидетельствовать, что никаких вин не было его вина, он уже настолько нанесен разжалованiem в солдаты и удалением от Родины, что едва ли представляется надобность в его наказанию уточненную жестокостью, запрещающую ему рисовать. Надеюсь, граф, Вы поймете, что зная Шевченко хорошо, зная, что он одинок в этом мире, я сочла своим долгом сделать все возможное, чтобы смягчить его

участь. Для достижения этой цели у меня нет другого пути, как обратиться к Вам и умолять Вас исходатайствовать для него позволяние рисовать. Этой милости я прошу у Вас с сложенными на груди руками! Хотя сама по себе я ничего не значу, но как дочь моего отца, который столько страдал и страдал безвинно, я признаю за собой право говорить за несчастных и во имя памяти моего отца, так Вас уважавшего, я прошу Вас, граф, извинить мою докучливость, как говорят в свете. Что до меня, то я убеждена, что делаю то, что должна делать, умоляя Вас за несчастного вялого сострадания человека, у которого нет ни семьи, ни покровителей».

Примите, граф, выражение моего и вам уважения, и хотелось бы сказать, моей глубокой благодарности. Яготин, 18 февраля 1848 года, В. Репнина».

Известно, что после обнаружения при обыске у Шевченко писем Репиной, она получила от Орлова строгое внушение за переписку с Шевченко и за ее участие в нем: «Переписка Ваша с Шевченком, равно как и то, что Ваше сиятельство еще прежде обращались ко мне с ходатайством об облегчении упомянутому рядовому, доказывает, что Вы принимали в нем участие, неприличное по его порочным и развратным свойствам».

Орлов рекомендовал Репиной на будущее время меньше вмешиваться в дела Малороссии, ибо в противном случае она сама будет причиной неприятных для Шевченко последствий. Позже при встрече с Репиной Орлов признался, что подписал письмо не читая, «подмахнул не глядя». Однако переписка с Шевченко к тому времени прекратилась. Угроза подействовала, Репнина не желала усугублять и без того тяжелую долю поэта. Писать прекратила, но до последних дней интересовалась его судьбой и молилась Богу за него.

Перестав получать письма от Репиной, Шевченко, подозревая что-то неладное, тоже перестал писать ей, но не мог забыть нежной дружбы ее и бескорыстного участия к нему. Ни капли сомнения в ее превосходности не зародилось в душе поэта. В своем письме к Залесскому, Шевченко пишет: «Благодарю тебя за память о Варваре, а если ты получишь от нее какое бы то ни было известие и вскоре сообщишь мне, то я тебя не благодарить буду, а богохвальствовать». Письма Репиной, отличавшиеся добротой и сердечностью, Шевченко читал до тех пор, пока не заучивал наизусть.

Петр КРАПИВА.

Продолжение следует.